

счастью, — неподвластна. Но съ точки зрѣнія той церкви, къ которой я принадлежу и отъ которой никогда не отступлю, — которая создана Христомъ для благословенія именемъ Божиимъ всѣхъ значительнѣйшихъ моментовъ человѣческой жизни: рожденій, браковъ, смертей, радостей и горестей людскихъ. . . , которая должна громко провозглашать законъ любви, всепрощенія, любовь къ врагамъ, къ ненавидящимъ насъ, молиться за всѣхъ, — съ этой точки зрѣнія для меня непостижимо опредѣленіе Синода.

Оно вызоветъ не сочувствіе (развѣ только „Московскихъ Вѣдомостей“), а негодованіе въ людяхъ и бѣольшую любовь и сочувствіе ко Льву Николаевичу. Уже мы получаемъ такія изъясненія, и имъ не будетъ конца со всѣхъ сторонъ міра.

Не могу не упомянутьъ еще о горѣ, испытанномъ мною отъ той безсмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретномъ распоряженіи Синода священникамъ не отпѣвать въ церкви Льва Николаевича въ случаѣ его смерти. Кого же хотятъ наказывать? Умершаго, ничего не чувствующаго уже человѣка, или окружающихъ его, вѣрующ-